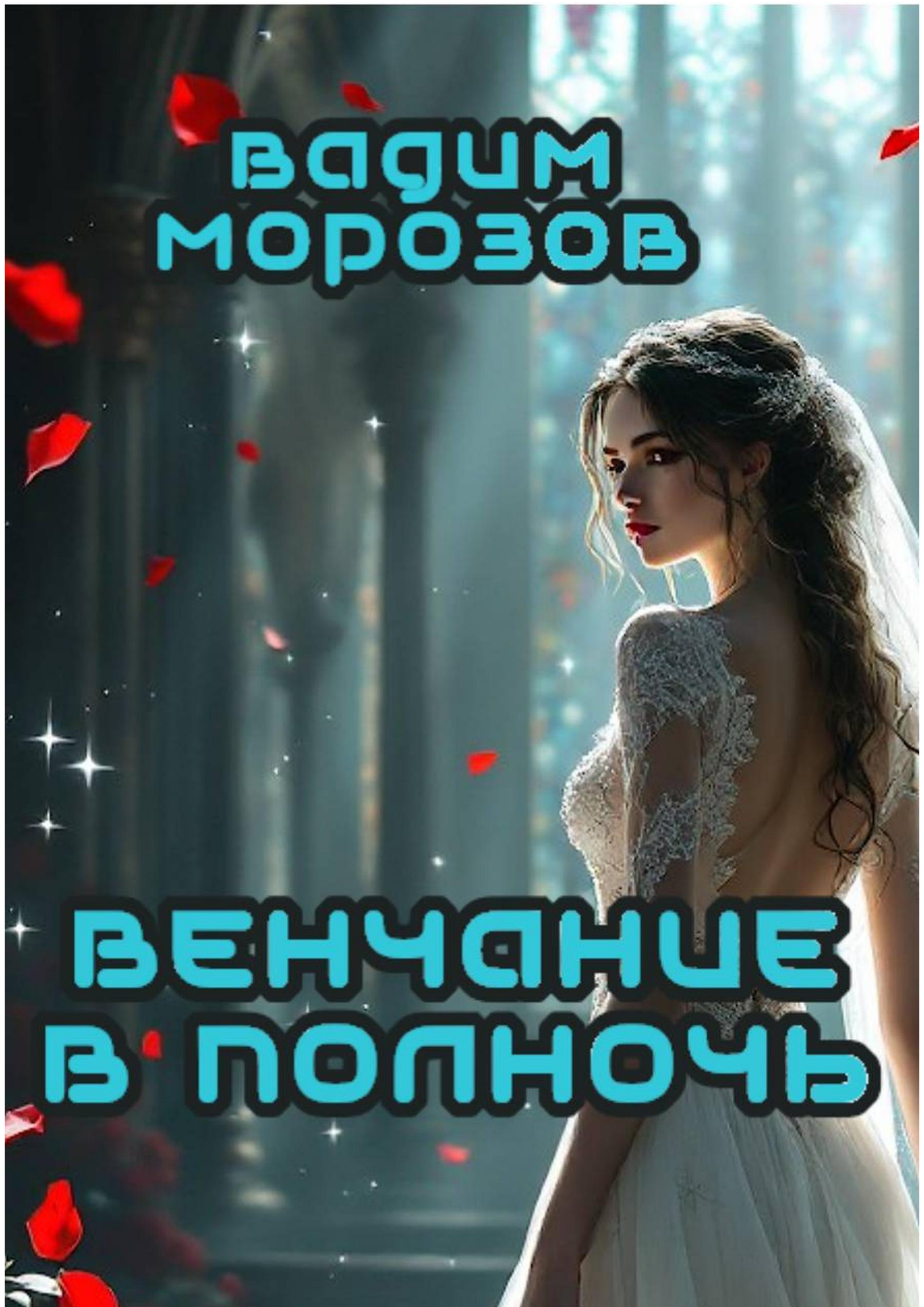

ВАДУМ
МОРОЗОВ

ВЕНЧАНИЕ
В ПОЛНОЧЬ

Вадим Морозов

Венчание в полночь

«Автор»

2026

Морозов В.

Венчание в полночь / В. Морозов — «Автор», 2026

Город Морхейвен охвачен страшной чумой: люди засыпают и не просыпаются. Единственная надежда на спасение — древний Обряд Полночного Венчания. Элара должна провести три ночи в замке с лордом Каспианом — «эхом» человека, застрявшим во времени на сто лет. Церковь обещает, что ритуал снимет проклятие, но Каспиан предупреждает: архиепископ Малахия лжет. Раскрыв мрачную тайну своей давно исчезнувшей матери, Элара понимает, что обряд — лишь жестокая ловушка темных сил. Ей предстоит столкнуться с древним злом и сделать невозможный выбор между долгом перед городом и чувствами к тому, кого мир считает мертвецом. Мистическая готическая история о любви, что сильнее смерти, и о девушке, которая решилась бросить вызов судьбе, чтобы переписать правила магии.

© Морозов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Обряд	5
Глава 2. Первая ночь	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Вадим Морозов

Венчание в полночь

Глава 1. Обряд

Дверь пахла железом и чем-то сладким — тем самым запахом, который Элара помнила с детства, из комнаты матери в ночь, когда та исчезла. Запах увядших лилий. Или других цветов — она так и не научилась их различать. С тех пор, как мать ушла, все цветы в мире пахли для неё одинаково. Горько. Как прощание.

Священник толкнул её в спину — не грубо, но настойчиво, как толкают скотину через узкий загон. Ладонь его была сухой и горячей, и след от неё жёг сквозь ткань платья. Элара невольно вжала плечи — привычка, выученная ещё в детстве: становиться меньше, занимать меньше места, не мешать.

— Входи. Не оборачивайся до рассвета. Что бы ни услышала — не оборачивайся.

— А что я услышу? — спросила она. Голос её прозвучал тоныше, чем хотелось. Тоныше, чем была она сама.

Священник не ответил. Дверь закрылась за ней с гулким стуком, и замок щёлкнул снаружи — коротко, как выстрел. Звук этот отозвался где-то в животе, и Элара поймала себя на том, что прижала ладонь к платью, будто могла удержать сердце на месте.

Она осталась одна.

Комната была больше, чем казалась снаружи. Потолок уходил в темноту, и балки перекрытий терялись где-то наверху, будто комната не имела крыши и открывалась прямо в ночное небо. Но неба не было. Была только тьма — густая, плотная, такая, что хотелось провести рукой и почувствовать, как она отступает.

Элара провела. Пальцы её встретили только воздух — холодный, неподвижный, с тем самым сладковатым привкусом на языке. От неё пахло не лилиями. Пахло им. Им, кого здесь ждали. Или кто здесь жил.

На столе горели свечи. Две — по краям белой скатерти, и пламя их не дрожало, хотя из-под двери тянуло сквозняком. Она это почувствовала кожей — холодком на шее, — но пламя стояло ровно, будто приросло к фитилям. Между свечами — хлеб, соль, кубок с вином цвета перезрелой вишни. Тёмным. Почти чёрным.

И третий кубок. Пустой.

Элара уставилась на него. В обряде говорилось о двух участниках — невесте и женихе. Она помнила слова архиепископа, произнесённые вчера в соборе, при свечах, когда его голос звучал так, будто каждое слово было вырезано на камне: «Ты войдёшь одна. Он будет ждать. Вы разделите хлеб и вино, и если ты примешь его — проклятие отступит.» Двое. Не трое.

Тогда для кого третий?

Она обвела взглядом комнату. Тёмные углы. Пустые стены. Зеркало, в котором отражалось только пламя свечей — и больше ничего. Может, кубок стоял здесь давно, забытый, оставшийся от какого-то другого ужина, другой ночи, другой жизни? Но скатерть была чистой. Белой. Свежей. И хлеб — мягкий, с золотистой коркой, будто его испекли сегодня утром. Кто-то готовил этот стол. Кто-то расставлял кубки. И если третий стоял здесь — значит, он был нужен.

Мысль эта кольнула — тонко, как иголка под ноготь. Элара почувствовала, как по затылку, от самого основания черепа, пополз холод. Не сквозняк. Что-то другое. Ощущение, что на неё смотрят.

Она обернулась — медленно, боясь резких движений, — и увидела его.

Он сидел в кресле у камина — так тихо, что она сначала приняла его за тень, за часть темноты, которая просто сгустилась в углу. Высокая фигура в тёмном камзоле, расшитом серебром, которое поблёскивало тускло, как старая монета. Руки на подлокотниках — длинные, тонкие, с пальцами, которые лежали слишком неподвижно, чтобы быть живыми. Голова чуть наклонена, будто он рассматривал что-то на полу. Или слушал.

Камин не горел. В очаге лежал пепел — серый, мелкий, такой ровный, что казалось: его не трогали годами.

— Ты опоздала, — сказал он, не поднимая головы.

Голос его был странным. Не хриплым, не замогильным — просто тихим, как будто слова проделывали долгий путь, прежде чем долететь до неё. Будто он говорил из другой комнаты. Или из другого времени. Голос этот прошёл сквозь неё — и Элара почувствовала, как у неё под ложечкой сжалось. Не страх. Что-то другое. Что-то, чему она не знала названия, и от этого было ещё страшнее.

— Меня привели, как только стемнело, — ответила она. — Я не могла прийти раньше.

— Я не про сегодня. — Он наконец поднял глаза.

Элара замерла.

Она готовилась к мертвецу. К серой коже, к провалам глазниц, к запаху тлена, о котором шептались женщины на рынке, крестясь и сплёвывая через левое плечо. Она готовилась к чудовищу — к тому, что описывали в церковных книгах: «и явится он в обличье человека, но человеком не будет, и душа его — как колодец без дна». Она готовилась задержать дыхание, отвести взгляд, не смотреть — и молиться, чтобы он не коснулся её.

Но перед ней сидел мужчина.

Живой — на первый взгляд. Бледный, да. Настолько бледный, что под кожей, казалось, можно было разглядеть, как течёт кровь — если она там текла. С лицом, которое казалось высеченным из мрамора кем-то, кто слишком хорошо знал, что такое тоска, — слишком правильные черты, слишком резкие скулы, слишком тёмные глаза. Волосы — чёрные, чуть длиннее, чем принято сейчас, собраны на затылке простой лентой, и одна прядь упала на лоб, и он не убрал её.

Но живой. Дышащий. Настоящий.

Если не считать одной детали.

За его спиной, на стене, висело зеркало в тяжёлой раме — тусклой, с пятнами, будто от слёз. И в зеркале кресло было пустым.

Элара моргнула. Посмотрела снова. Кресло в зеркале — пустое. Камзол, руки, наклонённая голова — ничего. Только бархатная спинка, тёмная, как ночное небо, и пепел в камине за ней.

Сердце её стукнуло так, что она услышала это в ушах. Она перевела взгляд с зеркала на него — и обратно. Снова. Снова. В зеркале — никого. Перед ней — он.

Он заметил её взгляд и усмехнулся — кривой, невесёлой усмешкой, от которой один уголок его рта поднялся чуть выше другого.

— Не смотри туда, — тихо сказал он, делая шаг вперёд и заслоняя собой стекло. — Зеркала не отражают то, чего уже нет.

— Тебя там нет, — прошептала она. И тут же пожалела, что прошептала. Хотелось спросить громче. Хотелось, чтобы голос не дрожал.

— Меня много где нет. — Он встал.

Движение было плавным, почти жидким, как у кошки, и Элара поймала себя на мысли, что не услышала, как скрипнули половицы. Не услышала, как шевельнулась ткань. Не услышала дыхания. Только — его. Появившегося ближе, чем был.

Он стоял теперь в трёх шагах от неё. И она почувствовала его запах.

Не тлен. Не пыль. Не то, чего она боялась.

Пахло холодом. Тем особенным холодом, что бывает ранним утром, когда туман ещё стелется по земле, и воздух такой чистый, что им больно дышать. Пахло камнем после дождя. И чем-то ещё — чем-то, что она узнала, хотя не должна была узнать. Чем-то, что было в доме матери. В ночь перед её исчезновением.

Колени её стали ватными. Она сжала руки в кулаки, чтобы не упасть, и почувствовала, как ногти впиваются в ладони. Боль была хорошей. Боль была живой.

— Вопрос в том, — сказал он, — где я есть.

Он подошёл к столу и остановился напротив неё. Так близко, что она видела, как в его глазах — серых, цвета грозового неба перед дождём — отражаются свечи. Два крошечных огонька, которые дрожали. Хотя пламя на столе стояло ровно.

Между ними — хлеб, соль, два кубка и один пустой. Он смотрел на неё, не отрываясь, будто перед ним была не девушка в чужом свадебном платье, а то, что он потерял очень давно и наконец нашёл, — и Элара почувствовала, как по шее — медленно, предательски — поднимается жар. Не от страха. От того, что он смотрел. Не на платье. Не на лицо. Как будто — сквозь. Как будто читал то, что она сама прятала даже от себя.

Она невольно провела ладонью по ключице — там, где кружево врезалось в кожу. Жест этот был глупым, детским, она знала. Но руки жили своей жизнью.

— Ты знаешь, зачем ты здесь? — спросил он.

— Чтобы снять проклятие. — Элара старалась, чтобы голос не дрожал. Получалось плохо. — Обряд Полуночного Венчания. Три ночи. Я принимаю тебя — чума отступает.

Он не ответил сразу. Только чуть наклонил голову — так, что прядь волос упала ему на глаз, и он на этот раз её убрал. Медленно. Двумя пальцами. Элара поймала себя на том, что смотрит на его руку — на то, как тонки его пальцы, как чётко проступают под кожей вены, синеватые, почти чёрные.

— Так тебе сказали, — произнёс он наконец. — А ты веришь всему, что говорят?

— У меня нет выбора. — Она сжала кулаки ещё сильнее. — Город умирает. Люди засыпают и не просыпают. Если обряд поможет — я сделаю это.

— Поможет, — повторил он, и в его голосе было что-то странное — не согласие, не отрицание, а скорее усталая ирония. — Да. Конечно. Поможет.

Он отвернулся и подошёл к окну. Плечи его — в тёмном камзоле, с той самой серебряной вышивкой — казались тяжёлыми, будто он нёс на них то, чего она не видела. За стеклом была ночь — чёрная, безлунная, и город внизу не горел огнями. Морхейвен спал. Или умирал. С третьего этажа было не разобрать.

Элара смотрела ему в спину — и не могла отвести взгляд. Что-то в ней — то, что она считала разумным, осторожным, выжившим — кричало: бойся. Не подходи. Не разговаривай. Но другая часть — та, о существовании которой она подозревала, но которую прятала подальше, — шептала другое.

Посмотри. Узнай. Он — не то, что тебе сказали.

Она сделала шаг. Потом ещё один. Сама не заметила, как. Туфли — тесные, на тонкой подошве, в которых она ходила только по праздникам, — стучали по каменному полу слишком громко. Она замерла. Но он не обернулся.

— Меня зовут Элара, — сказала она.

Он не обернулся.

— Я знаю.

— Откуда?

— Ты стояла на пороге. Я услышал твоё имя — не от священников, а от самого воздуха. Оно... звенит.

Элара нахмурилась. И тут же поймала себя на том, что шагнула ближе. На один шаг. Потом на второй. Она не помнила, как это произошло. Просто — оказалась ближе. Так близко, что могла бы коснуться его плеча — если бы осмелилась.

— А тебя? Как тебя зовут?

Он обернулся — медленно, будто каждое движение давалось ему с трудом. И посмотрел на неё. Прямо. Без усмешки. Без усталости. Просто — посмотрел.

Элара поняла, что дышать стало труднее.

— Каспиан, — сказал он. — Лорд Каспиан Рэйвенхарт. Хотя какой я теперь лорд.

— Для меня — просто Каспиан, — сказала она. И тут же подумала: что я делаю? Я говорю с мертвецом на «ты». Я стою в двух шагах от него. Я — не отступаю.

Он усмехнулся — на этот раз чуть теплее. И от этой усмешки что-то в её груди — то, что она считала замёрзшим давно, ещё с детства, — дрогнуло.

— Хорошо, Элара. Просто Каспиан.

Они стояли друг напротив друга — живая и мёртвый, невеста и жених, — и между ними было что-то, чему не было названия. Не любовь. Не страх. Что-то посередине. Что-то, от чего воздух между ними казался натянутым, как струна.

За окном часы начали бить.

Полночь.

— Первая ночь началась, — тихо сказал он.

Элара кивнула. Она не знала, что будет дальше. Не знала, переживёт ли эту ночь, или следующую, или третью. Не знала, почему её руки — те, что должны были дрожать от ужаса, — вдруг стали тёплыми. Почему сердце — то, что должно было колотиться в панике, — билось ровно, почти спокойно.

Но она знала одно:

Этот мертвец был не тем, кого ей описывали.

И это пугало больше всего.

Потому что чудовища она бы боялась. Чудовище было бы понятным.

А это — было непонятым.

И от этого — тянуло.

Глава 2. Первая ночь

Они стояли — и тишина между ними была гуще, чем тьма в углах комнаты. Элара чувствовала, как от Каспиана идёт холод — не тот, что от открытого окна, а другой, внутренний, идущий из самой его кожи. Ей хотелось отступить. Разум кричал: отступи. Но ноги не слушались.

Он первым нарушил молчание.

— Садись, — сказал он. Голос его был мягче, чем раньше, но в этой мягкости было что-то властное — не приказ, а просьба, которую нельзя не услышать.

Элара не села. Она смотрела на него — и не могла перестать смотреть. На то, как ложится свет свечей на его скулы. На то, как чуть заметно вздымается его грудь — будто он дышал по привычке, а не по нужде. На то, как его пальцы — длинные, с тёмными, почти чёрными ногтями — лежали на спинке стула, и она вдруг поймала себя на мысли: а что он делал этими руками, когда был жив?

— Сначала ответь, — сказала она. — Почему ты знал моё имя?

Он молчал так долго, что она успела подумать: не ответит. Но потом он повернулся к камину и протянул руку к пеплу. Пальцы его прошли сквозь серый порошок — и Элара увидела, что под пеплом что-то есть.

Дерево. Дно камина было выложено резными панно, и Каспиан провёл рукой по одному из них — длинному, узкому, с фигурами, переплетёнными в танце.

— Посмотри, — сказал он.

Элара подошла. Факелы у стен горели ровно, и свет их падал на резьбу так, что фигуры будто шевелились. Мужчина и женщина — в одеждах, которые она видела только на старых гобеленах в ратуше. Он держал её за руку, она — за плечо. Головы их были склонены друг к другу, и между губ — расстояние в один вдох.

— Это ты? — спросила она. — И она?

— Это мы. В ночь свадьбы.

— Сто лет назад.

— Сто лет назад, — согласился он. — Но посмотри внимательнее.

Элара наклонилась. Женщина на резьбе была в высоком воротнике, с длинными рукавами, с подолом, что стелился по полу. И на её безымянном пальце — кольцо. Тонкое, с маленьким камнем.

Элара замерла. Она видела это кольцо. Не на гобелене. Не в книге. В жизни.

На пальце матери.

Сердце её стукнуло так, что она услышала это в висках. Она выпрямилась — резко, слишком резко, — и посмотрела на Каспиана.

— Откуда ты знаешь, как выглядела моя мать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.